

**248. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СУВЕРЕННЫХ ПРАВ И
МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ В КАРИБСКОМ МОРЕ (НИКАРАГУА
ПРОТИВ КОЛУМБИИ)**

Краткое изложение решения от 21 апреля 2022 года

21 апреля 2022 года Международный Суд вынес решение по делу *Предполагаемые нарушения суверенных прав и морских пространств в Карибском море (Никарагуа против Колумбии)*. Суд постановил, что Колумбия нарушила суверенные права и юрисдикцию Никарагуа в исключительной экономической зоне этой страны.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Донохью; Вице-председатель Геворгян; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте; судьи *ad hoc* Доде, Макрей; Секретарь Готье.

*

* *

I. Общие сведения (пп. 25–32)

Суд начинает с изложения общих сведений о географических и правовых аспектах дела. В частности, он отмечает, что морские пространства, о которых идет речь в настоящем разбирательстве, относятся к Карибскому морю и что в своем решении, вынесенном 19 ноября 2012 года по делу *Территориальный и морской спор (Никарагуа против Колумбии)* (далее «решение 2012 года»), Суд постановил, что Колумбия обладает суверенитетом над рядом островов, и определил единую линию морской границы, делимитирующую континентальный шельф и исключительные экономические зоны Никарагуа и Колумбии до предела в 200 морских миль от исходных линий, от которых измеряется ширина территориального моря Никарагуа. Вместе с тем определить точное местоположение восточных конечных точек морской границы не представлялось возможным, поскольку Никарагуа еще не уведомила Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о том, где проходят эти исходные линии.

Суд отмечает, что в рамках настоящего дела Никарагуа утверждает, что Колумбия в нескольких формах нарушает суверенные права и юрисдикцию Никарагуа в исключительной экономической зоне Никарагуа. Во-первых, Никарагуа указывает на серию инцидентов с участием военно-морских и воздушных судов Колумбии, в ходе которых Колумбия препятствовала деятельности рыболовных или осуществляющих морские научные исследования судов, плавающих под флагом Никарагуа или имеющих лицензию Никарагуа, в этой морской зоне. Никарагуа также указывает, что Колумбия неоднократно направляла фрегаты своих военно-морских сил и военно-воздушные суда для воспрепятствования военно-морским силам Никарагуа в выполнении задач в водах Никарагуа. Во-вторых, Никарагуа заявляет, что Колумбия выдает колумбийцам и гражданам третьих государств рыбопромысловые лицензии

и разрешения на проведение морских научных исследований в исключительной экономической зоне Никарагуа. В-третьих, Никарагуа утверждает, что Колумбия нарушает ее исключительное суверенное право на разведку и разработку природных ресурсов в ее исключительной экономической зоне, размещая предложения о заключении концессионных соглашений на освоение участков углеводородных залежей, расположенных на территориях, частично относящихся к этой зоне, и заключая такие соглашения.

Никарагуа также возражает против Указа президента № 1946 от 9 сентября 2013 года с поправками, внесенными Указом № 1119 от 17 июня 2014 года (далее «Указ президента № 1946»), в соответствии с которым Колумбия установила «единую прилежащую зону», которая «якобы объединила морские “прилежащие зоны” всех островов, коралловых островов и других морских объектов Колумбии в этом районе». Никарагуа утверждает, что «единая прилежащая зона» частично включает воды, которые, по решению Суда, относятся к исключительной экономической зоне Никарагуа, и поэтому представляет собой «существенное посягательство на зоны, в отношении которых Никарагуа обладает исключительными суверенными правами и юрисдикцией». Кроме того, Никарагуа утверждает, что данный указ противоречит нормам международного обычного права и что само его принятие влечет за собой международную ответственность Колумбии.

В своих встречных требованиях Колумбия, во-первых, утверждает, что жители архипелага Сан-Андрес, в частности община «раисалес», пользуются правами на кустарное рыболовство на традиционных рыбопромысловых участках, расположенных за пределами территориального моря островов архипелага Сан-Андрес. Колумбия заявляет, что Никарагуа нарушает традиционные права жителей архипелага Сан-Андрес на рыболовство в том, что касается доступа к традиционно используемым ими для рыбного промысла участкам, расположенным в морском пространстве за пределами территориального моря островов архипелага Сан-Андрес, и к таким участкам, которые относятся к морскому пространству Колумбии и путь к которым пролегает через районы, расположенные за пределами территориального моря островов архипелага Сан-Андрес.

Во-вторых, Колумбия оспаривает законность прямых исходных линий, проведенных Никарагуа в соответствии с Указом № 33-2013 от 19 августа 2013 года (далее «Указ 33»), который был принят Никарагуа 27 августа 2013 года и в который затем были внесены поправки в 2018 году. В частности, Колумбия утверждает, что из-за использования прямых исходных линий, соединяющих ряд морских объектов, относящихся к Никарагуа и расположенных к востоку от его континентального берега в Карибском море, внешние границы территориального моря Никарагуа проходят гораздо восточнее пределов предусмотренной международным правом 12-мильной зоны, в результате чего увеличивается протяженность зоны внутренних вод, территориального моря, прилежащей зоны, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Никарагуа. По мнению Колумбии, таким образом, прямые исходные линии, проведенные Никарагуа, были определены в прямое нарушение прав и юрисдикции Колумбии в Карибском море.

Прежде чем перейти к рассмотрению требований Никарагуа и встречных требований Колумбии, Суд сначала рассматривает вопрос о своей юрисдикции *ratione temporis*, поднятый Колумбией в ее контрмеморандуме.

II. Сфера юрисдикции *ratione temporis* Суда (пп. 33–47)

В решении, вынесенном в 2016 году, Суд заключил, что на основании статьи XXXI Боготского пакта он обладал юрисдикцией для рассмотрения спора, касающегося предполагаемых нарушений Колумбией прав Никарагуа в морских зонах, которые, по утверждению Никарагуа, Суд объявил в своем решении 2012 года зонами, относящимися к Никарагуа. В настоящее время перед Судом стоит вопрос о том, распространяется ли его юрисдикция в отношении этого спора на факты и события, которые предположительно произошли после 27 ноября 2013 года — даты, когда Пакт утратил силу для Колумбии.

По мнению Суда, ничто в его практике не указывает на то, что, в случае утраты оснований для установления юрисдикции после возбуждения разбирательства, юрисдикция Суда *ratione temporis* ограничивается исключительно теми фактами, которые предположительно имели место до утраты этих оснований. По мнению Суда, критерии, которые он в своей практике считает подходящими для определения ограничений *ratione temporis* своей юрисдикции в отношении требований или представлений, направленных ему после подачи заявления, или для определения того, являются ли такие требования или представления приемлемыми, следует применять при рассмотрении Судом вопроса о пределах его юрисдикции *ratione temporis* в настоящем деле.

Суд отмечает, что при рассмотрении дел, применительно к которым предусматривается вынесение судебного решения в отношении требования или представления, поступившего после подачи заявления, он в таких случаях устанавливает, следует ли такое требование или представление непосредственно из вопроса, являющегося предметом заявления, или же рассмотрение такого требования или представления приведет к изменению предмета спора, изначально представленного на рассмотрение Суда. Что касается фактов или событий, имевших место после подачи заявления, то Суд подтверждает значимость критериев «непрерывности» и «связанности» для определения ограничений *ratione temporis*, касающихся своей юрисдикции.

В решении 2016 года Суд не рассматривал вопрос о юрисдикции *ratione temporis* в отношении тех предполагаемых инцидентов, которые произошли после вступления в силу решения о денонсации Боготского пакта. Вместе с тем решение Суда подразумевает, что Суд обладает юрисдикцией для рассмотрения каждого аспекта спора, который, по мнению Суда, имел место на момент подачи заявления. Из этого следует, что задача Суда состоит в том, чтобы определить, соответствуют ли инциденты, которые предположительно произошли после утраты оснований для установления юрисдикции, вышеупомянутым критериям, сформулированным на основе практики Суда.

Суд отмечает, что инциденты, якобы произошедшие после 27 ноября 2013 года, главным образом связаны с предположительным воспрепятствованием

колумбийскими военно-морскими и воздушными судами Никарагуа в ведении рыболовной деятельности и осуществлении морских научных исследований в его морских зонах, предположительным проведением Колумбией полицейских операций и воспрепятствованием деятельности военно-морских судов Никарагуа в его морских водах и предположительной выдачей Колумбией разрешений на рыбопромысловую деятельность и проведение морских научных исследований в исключительной экономической зоне Никарагуа. Эти предполагаемые инциденты носят тот же характер, что и инциденты, предположительно произошедшие до 26 ноября 2013 года. В связи со всеми этими инцидентами возникает вопрос о том, нарушила ли Колумбия свои вытекающие из норм международного обычного права обязательства по соблюдению прав Никарагуа в исключительной экономической зоне этой страны, — вопрос, касающийся непосредственно того спора, в отношении которого Суд установил свою юрисдикцию в решении 2016 года.

С учетом вышеизложенных соображений Суд приходит к выводу, что требования и представления Никарагуа в отношении инцидентов, предположительно имевших место после 27 ноября 2013 года, следуют непосредственно из вопроса, являющегося предметом заявления, что эти предполагаемые инциденты связаны с предполагаемыми инцидентами, в отношении которых юрисдикция Суда уже была установлена, и что рассмотрение этих предполагаемых инцидентов не ведет к изменению характера спора между сторонами в настоящем деле. Следовательно, Суд обладает юрисдикцией *ratione temporis* в отношении требований Никарагуа, связанных с этими предполагаемыми инцидентами.

III. Предполагаемые нарушения Колумбией прав Никарагуа в его морских зонах (пп. 48–199)

Спор между сторонами данного дела относится к вопросам, касающимся прав и обязанностей прибрежного государства и прав и обязанностей других государств в исключительной экономической зоне. Заявитель и Ответчик согласны с тем, что к спору между ними применимы нормы международного обычного права.

A. Оспариваемые действия Колумбии в морских зонах Никарагуа (пп. 49–144)

1. Инциденты, произошедшие, по утверждению Никарагуа, в юго-западной части Карибского моря (пп. 49–101)

Суд отмечает, что обычные нормы, касающиеся прав и обязанностей прибрежных государств и других государств в исключительной экономической зоне, отражены в нескольких статьях Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (далее «Конвенция по морскому праву»), включая статьи 56, 58, 61, 62 и 73.

Суд далее отмечает, что при рассмотрении вопроса о том, подтверждается ли доказательствами нарушение норм международного обычного права, о которых заявляет Никарагуа, Суд будет руководствоваться своей судебной практикой по вопросам доказывания. Суд напоминает, что, по общему правилу, доказывать

существование конкретного факта должна та сторона, которая заявляет о нем в обоснование своих требований. Суд будет с осторожностью относиться к доказательственным материалам, подготовленным для целей рассмотрения дела, а также к доказательствам из вторичных источников. Суд будет считать более убедительными и заслуживающими доверия доказательства, полученные из хронологически релевантных и непосредственных источников. Суд также уделит особое внимание достоверным доказательствам, подтверждающим факты или действия, чреватые неблагоприятными последствиями для государства, представителем которого является лицо, от которого поступили эти доказательства. Наконец, хотя статьи, опубликованные в средствах массовой информации, и аналогичные документальные подтверждения вторичного характера не могут служить доказательством фактов, в некоторых случаях они могут подтвердить существование фактов, установленных на основе других доказательств.

Изучив материалы, представленные Никарагуа, Суд заключает, что в отношении многих предполагаемых инцидентов Никарагуа пытается доказать факт нарушения судами военно-морских сил Колумбии прав Никарагуа в ее морских зонах; вместе с тем представленные Никарагуа материалы не подтверждают убедительным для Суда образом, что действия Колумбии в исключительной экономической зоне Никарагуа выходили за рамки того, что разрешено нормами международного обычного права, отраженными в статье 58 Конвенции по морскому праву. Что касается ряда других предполагаемых инцидентов, то материалы, представленные Никарагуа, основаны преимущественно на сообщениях рыбаков, адресованных владельцам судов, на которых они работают; на материалах, которые, по всей видимости, были подготовлены для целей настоящего дела и не подкреплены другими доказательствами; на аудиозаписях, которые не являются достаточно четкими; или на распространенных в средствах массовой информации материалах, которые либо не содержат указания на источник информации, либо в ином смысле являются неподтвержденными. Суд не считает эти материалы достаточными для установления достоверности утверждений Никарагуа в отношении нарушений со стороны Колумбии. Он считает, что Никарагуа не выполнило свои обязательства по бремени доказывания в отношении вышеупомянутых предполагаемых инцидентов для установления факта нарушения Колумбией своих международных обязательств. В связи с этим Суд отклоняет эти обвинения за отсутствием достаточных доказательств.

Что касается остальных предполагаемых инцидентов, то Суд считает, что некоторые факты, на которых основывается требование Никарагуа, установлены. Во-первых, в случае многих предполагаемых инцидентов доказательствами подтверждаются утверждения Никарагуа, касающиеся местонахождения колумбийских фрегатов (см. инциденты, предположительно произошедшие 17 ноября 2013 года; 27 января 2014 года; 12 и 13 марта 2014 года; 3 апреля 2014 года; 28 июля 2014 года; 21 августа 2016 года; 6 и 8 октября 2018 года). Кроме того, сведения, содержащиеся в докладах и бортовых журналах судов военно-морских сил Колумбии за рассматриваемые периоды, также подтверждают корректность представленных Никарагуа конкретных географических координат, соответствующих району к востоку от 82-го меридиана, во многих случаях — рыбопромысловым участкам в районе Луна-

Верде или прилежащим районам морской зоны, которая постановлением Суда была признана относящейся к Никарагуа.

Более того, суда военно-морских сил Колумбии предпринимали попытки осуществлять правоприменительную юрисдикцию в исключительной экономической зоне Никарагуа (см. инциденты, предположительно произошедшие 27 января 2014 года; 13 марта 2014 года; 3 апреля 2014 года; 28 июля 2014 года; 26 марта 2015 года; 21 августа 2016 года). В ходе контактов с никарагуанскими военно-морскими и рыболовными судами, осуществлявшими деятельность в исключительной экономической зоне Никарагуа, офицеры колумбийских военно-морских сил периодически зачитывали фрагменты распоряжения правительства и требовали от никарагуанских рыболовных судов прекратить рыболовную деятельность, утверждая, что эта деятельность наносит вред окружающей среде и является незаконной или несанкционированной. Эти официальные лица также заявляли никарагуанским судам, что соответствующие морские пространства находятся под юрисдикцией Колумбии и что Колумбия будет продолжать осуществлять суверенитет над этими водами на основании определения правительства Колумбии о неприменимости решения 2012 года. Имеющиеся материалы убедительно подтверждают, что действия колумбийских военных судов были направлены на реализацию политики, посредством которой Колумбия стремилась сохранить контроль за рыболовством и охраной ресурсов в районе, находящемся в пределах исключительной экономической зоны Никарагуа.

Суд отмечает, что Колумбия в оправдание своего поведения на море приводит два правовых основания. Во-первых, Колумбия утверждает, что ее действия, даже если бы они были доказаны, разрешены в порядке осуществления свободы судоходства и полетов воздушных судов. Во-вторых, Колумбия утверждает, что на ней лежит международное обязательство по защите и сохранению морской среды юго-западных районов Карибского моря и среды обитания общины «раисалес» и других жителей архипелага.

Согласно нормам международного обычного права, касающимся исключительной экономической зоны, Никарагуа как прибрежное государство обладает суверенными правами в области управления рыболовной деятельностью и обладает юрисдикцией для принятия мер по защите и сохранению морской среды в своей исключительной экономической зоне. Из представленных Суду материалов явствует, что, вопреки утверждениям Колумбии, действия фрегатов военно-морских сил Колумбии в морских зонах Никарагуа не ограничивались «наблюдением» за хищнической или незаконной рыбопромысловой деятельностью или «информированием» рыболовных судов о неправомерности такой деятельности. Во многих случаях их действия можно было приравнять к осуществлению контроля над рыбопромысловой деятельностью в исключительной экономической зоне Никарагуа, применению природоохранных мер в отношении судов, плавающих под флагом Никарагуа или имеющих лицензию Никарагуа, а также воспрепятствованию деятельности военно-морских судов Никарагуа. Суд считает, что правовые аргументы, представленные Колумбией, не оправдывают ее действия в исключительной экономической зоне

Никарагуа. Действия Колумбии противоречат нормам международного обычного права, отраженным в статьях 56, 58 и 73 Конвенции по морскому праву.

С учетом изложенных выше соображений Суд постановляет, что Колумбия нарушила свое международное обязательство уважать суверенные права и юрисдикцию Никарагуа в его исключительной экономической зоне, препятствуя деятельности судов, плавающих под флагом Никарагуа или имеющих лицензию Никарагуа, по ведению рыбного промысла и проведению морских научных исследований и деятельности военно-морских судов Никарагуа и предпринимая попытки в принудительном порядке обеспечить соблюдение природоохранных мер в этой зоне.

2. *Предполагаемая выдача Колумбией разрешений на осуществление рыбопромысловой деятельности и проведение морских научных исследований в исключительной экономической зоне Никарагуа* (пп. 102–134)

Прежде чем перейти к рассмотрению материалов, касающихся инцидентов на море, о которых заявляет Никарагуа, Суд сначала рассматривает постановления, в соответствии с которыми, как утверждает Никарагуа, Колумбия выдавала разрешения на осуществление рыбопромысловой деятельности судам под колумбийским флагом и иностранным судам в исключительной экономической зоне Никарагуа.

Эти постановления были изданы двумя субъектами государственной власти Колумбии: Главным морским управлением Министерства национальной обороны Колумбии (далее «ГМУ») и губернатором архипелага Сан-Андрес. Что касается постановлений ГМУ, то Суд отмечает, что в них не указана сфера применения юрисдикции Управлений капитана порта Сан-Андреса и Провиденсии, что является принципиально важным вопросом в настоящем деле. Таким образом, на основании самих постановлений Суд не может определить, включает ли географический охват района, в котором перечисленным рыболовным судам было разрешено осуществлять заниматься промыслом, морские пространства Никарагуа. Что касается постановлений губернатора архипелага Сан-Андрес, то Суд отмечает, что непосредственное указание на то, что рыбопромысловые участки Эскина или Луна-Верде относятся к рыболовной зоне, о которой идет речь в постановлениях, принятых после решения 2012 года, означает, что Колумбия продолжает отстаивать право выдавать разрешения на рыбный промысел в районах, относящихся к исключительной экономической зоне Никарагуа. Затем Суд рассматривает предполагаемые инциденты на море, чтобы определить, выдавала ли Колумбия разрешения на рыбопромысловую деятельность и проведение морских научных исследований в исключительной экономической зоне Никарагуа.

Суд считает, что материалы, представленные сторонами, свидетельствуют как минимум о трех фактах. Во-первых, рыболовные суда, которым Колумбия якобы выдавала разрешения, действительно занимались рыбопромысловой деятельностью в исключительной экономической зоне Никарагуа в соответствующее время. Во-вторых, такая рыбопромысловая деятельность часто велась под защитой колумбийских фрегатов. В-третьих, Колумбия признает, что район Луна-Верде относится к исключительной экономической зоне Никарагуа.

Что касается предполагаемой выдачи Колумбией разрешений на проведение морских научных исследований в исключительной экономической зоне Никарагуа, то Суд не может найти в представленных к рассмотрению постановлениях каких-либо прямых указаний на разрешение проведения морских научных исследований. Не имея других достоверных доказательств, подтверждающих заявления Никарагуа в этом отношении, Суд не может на основе имеющихся материалов сделать вывод, что Колумбия также выдавала разрешения на проведение морских научных исследований в исключительной экономической зоне Никарагуа.

Исходя из вышеизложенных соображений, Суд заключает, что Колумбия нарушает суверенные права и юрисдикцию Никарагуа в исключительной экономической зоне этой страны, выдавая судам разрешения на рыбопромысловую деятельность в исключительной экономической зоне Никарагуа.

3. Предполагаемая выдача Колумбией лицензий на нефтепоисковые работы (пп. 135–143)

Сначала Суд рассматривает приемлемость требований Никарагуа, касающихся предполагаемой выдачи Колумбией лицензий на нефтепоисковые работы.

Суд отмечает, что заявление Никарагуа о выдаче Колумбией лицензий на нефтепоисковые работы касается вопроса о том, нарушает ли Колумбия суверенные права Никарагуа в исключительной экономической зоне. Хотя речь идет о другом виде деятельности, требование Никарагуа не предполагает изменения предмета спора, обозначенного в заявлении, поскольку спор между сторонами касается прав сторон во всех морских зонах в границах, установленных решением 2012 года. Суд считает, что требование Никарагуа вытекает непосредственно из вопроса, который является предметом заявления, и, следовательно, является приемлемым.

Что касается существования требования, то, по мнению Суда, имеющаяся информация подтверждает — и это признает само Никарагуа, — что Колумбия предлагала 11 участков нефтяных месторождений в концессионное пользование и передала два участка в концессионное пользование в 2011 году, то есть в то время, когда морская граница между сторонами еще не была делимитирована. Документы, представленные Суду, также свидетельствуют о том, что подписание контрактов в отношении указанных участков нефтяных месторождений было сначала приостановлено в 2011 году заинтересованными сторонами, а затем — в 2012 году решением Трибунала по административным вопросам Сан-Андреса, Провиденсии и Санта-Каталины. Никарагуа также признает, что до настоящего времени указанные контракты так и не были подписаны. Что касается фактов, имевших место впоследствии, то нет достоверных доказательств того, что Национальное управление по углеводородным ресурсам по-прежнему намерено предлагать и передавать в концессионное пользование эти участки. Суд отмечает в этой связи, что Никарагуа не продолжало настаивать на своем требовании в ходе устного разбирательства и что оно признало заявление Колумбии о том, что в соответствующих районах не было передано в концессионное пользование никаких участков. Колумбия, в свою очередь, вновь заявила, что намерения в отношении данных участков не были реализованы и что указанные участки не будут разрабатываться или предлагаться в концессионное пользование.

С учетом вышеизложенного Суд считает, что Никарагуа не смогло доказать, что Колумбия продолжает предлагать в концессионное пользование участки нефтяных залежей, расположенные в исключительной экономической зоне Никарагуа. В связи с этим Суд не принимает утверждение о том, что Колумбия нарушила суверенные права Никарагуа посредством выдачи лицензии на нефтепоисковые работы.

4. *Выводы* (п. 144)

Принимая во внимание изложенные выше соображения, Суд считает, что Колумбия нарушила свое международное обязательство соблюдать суверенные права и юрисдикцию Никарагуа в его исключительной экономической зоне посредством следующих действий: i) воспрепятствование деятельности судов, плавающих под флагом Никарагуа или имеющих лицензию Никарагуа, по ведению рыбного промысла и проведению морских научных исследований и деятельности военно-морских судов Никарагуа в его исключительной экономической зоне; ii) попытки в принудительном порядке обеспечить соблюдение природоохранных мер в исключительной экономической зоне Никарагуа; и iii) выдача разрешений на рыбопромысловую деятельность в исключительной экономической зоне Никарагуа. Противоправные действия Колумбии влекут за собой ответственность по международному праву.

В. «Единая прилегающая зона» Колумбии (пп. 145–194)

Суд отмечает, что, заявляя о нарушении Колумбией прав Никарагуа в его морских зонах, Никарагуа ссылается в том числе на Указ президента Колумбии № 1946, устанавливающий «единую прилегающую зону» вокруг колумбийских островов в западной части Карибского моря. Никарагуа не отрицает право Колумбии на прилегающую зону, но утверждает, что как географический охват «единой прилегающей зоны», так и объем предметных полномочий, которые, по утверждению Колумбии, она может осуществлять в этой зоне, превышают пределы, допустимые в соответствии с нормами международного обычного права, касающимися прилегающей зоны. По мнению Никарагуа, объявив «единую прилегающую зону», Колумбия нарушила права Никарагуа в его исключительной экономической зоне.

1. *Применимые нормы, касающиеся прилегающей зоны* (пп. 147–155)

Сначала Суд отмечает, что в соответствии с нормами морского права прилегающая зона отличается от других морских зон в том смысле, что установление прилегающей зоны не влечет за собой наделение прибрежного государства суверенитетом или суверенными правами в отношении этой зоны или ее ресурсов. Из истории разработки статьи 24 Конвенции 1958 года и статьи 33 Конвенции по морскому праву следует, что государства в целом признали, что полномочия в прилегающей зоне ограничиваются таможенными, фискальными, иммиграционными и санитарными вопросами, как указано в пункте 1 статьи 33. Что касается протяженности прилегающей зоны, то большинство государств, создавших такие зоны, установили их протяженность в пределах 24 морских миль в соответствии с пунктом 2 статьи 33 Конвенции по морскому праву. Некоторые государства даже сократили протяженность

ранее созданных прилежащих зон, чтобы привести ее в соответствие с этим ограничением.

В заключение Суд отмечает, что статья 33 Конвенции по морскому праву отражает нормы современного международного обычного права, касающиеся прилежащих зон, как в отношении полномочий, которые прибрежное государство может осуществлять в такой зоне, так и в отношении ограничения протяженности прилежащей зоны 24 морскими милями.

2. *Последствия решения 2012 года и право Колумбии на создание прилежащей зоны* (пп. 156–163)

Суд отмечает, что в рамках разбирательства, по итогам которого было вынесено решение 2012 года, стороны при обсуждении вопросов, касающихся делимитации единой морской границы, затрагивали вопрос о прилежащей зоне, но не просили Суд определить границы этой зоны, и что Суд не рассматривал вопрос о прилежащей зоне, поскольку этот вопрос не поднимался в ходе разбирательств, касавшихся делимитации. Суд считает, что решением 2012 года не делимитируется прямо или иным образом прилежащая зона ни одной из сторон.

Далее Суд отмечает, что прилежащая зона и исключительная экономическая зона регулируются двумя различными режимами. Суд считает, что создание одним государством прилежащей зоны в конкретном районе в целом не является несовместимым с существованием в этом же районе исключительной экономической зоны другого государства. В принципе делимитация морских пространств между Никарагуа и Колумбией не отменяет права Колумбии на создание прилежащей зоны вокруг архипелага Сан-Андрес. Суд добавляет, что, согласно нормам морского права, полномочия, которые государство может осуществлять в прилежащей зоне, отличаются от прав и обязанностей прибрежного государства в исключительной экономической зоне. Эти две зоны могут пересекаться, но полномочия, которые могут осуществляться в них, и их географический охват не совпадают. В основе режима прилежащей зоны лежат расширение контроля со стороны прибрежного государства в целях предотвращения определенных действий, которые являются незаконными согласно национальным законам и нормативным актам прибрежного государства, и наказание за совершение таких действий, тогда как исключительная экономическая зона устанавливается для защиты суверенных прав прибрежного государства на природные ресурсы и его юрисдикции в отношении защиты морской среды. При осуществлении прав и обязанностей, предусмотренных любым из этих двух режимов, каждое государство должно надлежащим образом учитывать права и обязанности другого государства.

Суд считает, что в районах «единой прилежащей зоны», которые частично совпадают с исключительной экономической зоной Никарагуа, Колумбия может осуществлять свои полномочия по контролю в соответствии с обычными нормами в отношении прилежащей зоны, отраженными в пункте 1 статьи 33 Конвенции по морскому праву, и имеет права и обязанности в соответствии с нормами обычного права, отраженными в статье 58 Конвенции по морскому праву. При осуществлении прав и обязанностей, предусмотренных режимом прилежащей зоны, Колумбия обязана

должным образом учитывать суверенные права и юрисдикцию, которыми Никарагуа пользуется в своей исключительной экономической зоне в соответствии с нормами обычного права, отраженными в статьях 56 и 73 Конвенции по морскому праву.

С учетом вышеизложенных соображений Суд заключает, что Колумбия имеет право определять прилежащую зону вокруг архипелага Сан-Андрес в соответствии с нормами международного обычного права.

3. *Соответствие «единой прилежащей зоны» Колумбии нормам международного обычного права* (п. 164–186)

Стороны расходятся во мнениях относительно того, соответствуют ли нормам международного обычного права положения статьи 5 Указа президента № 1946, в которой устанавливается географическая протяженность «единой прилежащей зоны» и объем фактических полномочий, которые могут осуществляться в пределах этой зоны.

Вначале Суд напоминает, что правило о 24-мильной зоне, изложенное в пункте 2 статьи 33 Конвенции по морскому праву, является установленной нормой обычного права. В силу того, что пределы «единой прилежащей зоны» Колумбии устанавливаются по упрощенному принципу, протяженность этой зоны превышает 24 морские мили. Суд считает, что, если Колумбия желает придерживаться этого принципа, то она может принять решение об уменьшении протяженности указанной зоны, но эта зона не должна простираться за пределы 24 морских миль в ущерб осуществлению Никарагуа своих суверенных прав и юрисдикции в своей исключительной экономической зоне. Из этого следует, что географическая протяженность «единой прилежащей зоны» Колумбии не соответствует нормам международного обычного права.

Что касается реальных полномочий Колумбии в «единой прилежащей зоне», то в соответствии со статьей 5 3) а) Указа президента № 1946 Колумбия осуществляет полномочия в «единой прилежащей зоне» для предотвращения нарушения законов и нормативных актов, касающихся «комплексной безопасности государства, включая вопросы, связанные с пиратством, незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ, а также поведением, подрывающим безопасность на море и противоречащим национальным морским интересам, интересам в таможенной, фискальной, миграционной и санитарной сферах», и контроля за этими нарушениями, и что «таким же образом будут предотвращаться и контролироваться нарушения законов и нормативных актов, связанных с сохранением морской среды и культурного наследия». Таким образом, согласно этому положению, объем полномочий, в рамках которых колумбийские власти могут осуществлять контроль в прилежащей зоне, значительно шире, чем объем реальных полномочий, перечисленных в пункте 1 статьи 33 Конвенции по морскому праву.

Суд отмечает, что вопросы безопасности не относятся к числу вопросов, которые государства согласились включить в перечень вопросов, над которыми прибрежное государство может осуществлять контроль в прилежащей зоне; в международном обычном праве также не было никаких изменений в этом отношении с

момента принятия Конвенции по морскому праву. Следовательно, включение вопросов безопасности в число реальных полномочий Колумбии в «единой прилегающей зоне» противоречит соответствующей норме обычного права.

Что касается полномочий по защите «национальных морских интересов», то, как представляется, статья 5 3) Указа президента № 1946 уже только в силу своей широкой формулировки является посягательством на суверенные права и юрисдикцию Никарагуа, отраженные в пункте 1 статьи 56 Конвенции по морскому праву. Это также верно в отношении формулировки о нарушении «законов и подзаконных актов, касающихся сохранения окружающей среды», поскольку прибрежное государство — в данном случае Никарагуа — обладает юрисдикцией в отношении «защиты и сохранения морской среды» в своей исключительной экономической зоне. Вместе с тем осуществление полномочий, предоставленных органам власти Колумбии в соответствии со статьей 5 3) Указа президента № 1946, в районе, частично совпадающим с исключительной экономической зоной Никарагуа, представляло бы собой посягательство на суверенные права и юрисдикцию Никарагуа.

Кроме того, статья 5 3) а) Указа президента № 1946 касается культурного наследия. В поддержку своей позиции Колумбия ссылается на пункт 2 статьи 303 Конвенции по морскому праву, в соответствии с которым прибрежное государство имеет право осуществлять контроль над археологическими и историческими объектами, найденными в его прилегающей зоне, а извлечение таких объектов может рассматриваться как нарушение его законов и нормативных актов, регулирующих таможенные, фискальные, иммиграционные и санитарные вопросы.

Принимая во внимание государственную практику и другие законодательные изменения в этой области, Суд считает, что пункт 2 статьи 303 Конвенции по морскому праву отражает нормы международного обычного права. Из этого следует, что статья 5 3) Указа президента № 1946 в той ее части, которая касается полномочий осуществлять контроль над археологическими и историческими объектами, найденными в прилегающей зоне, не нарушает нормы международного обычного права.

4. Заключение (пп. 187–194)

С учетом вышеизложенного Суд постановляет, что создание «единой прилегающей зоны» в соответствии с Указом президента Колумбии № 1946 противоречит нормам международного обычного права в двух отношениях. Во-первых, географическая протяженность «единой прилегающей зоны» противоречит норме, в соответствии с которой она не должна превышать 24 морские мили. Во-вторых, в соответствии со статьей 5 3) Указа президента № 1946 Колумбия наделяется определенными полномочиями по осуществлению контроля за соблюдением ее законов и нормативных актов в «единой прилегающей зоне», в том числе в тех областях, в отношении которых это не предусмотрено нормами обычного права, отраженными в пункте 1 статьи 33 Конвенции по морскому праву.

Приходя к такому выводу, Суд рассмотрит вопрос о том, является ли создание «единой прилегающей зоны» путем принятия Указа президента № 1946 само по себе

нарушением Колумбией своих международных обязательств перед Никарагуа, влекущим за собой ее международную ответственность.

В отсутствие общей нормы, регулирующей вопрос о том, влечет ли за собой принятие национального законодательства международную ответственность государства, Суд рассматривает этот вопрос с учетом тех обязательств, которые предположительно нарушает Колумбия, и конкретных обстоятельств дела. Суд отмечает, что Указ президента Колумбии № 1946 был первоначально принят вскоре после вынесения решения 2012 года и что принятие Указа президента № 1946, среди прочего, привело к возникновению спора между сторонами, в результате которого Никарагуа начало настоящее судебное разбирательство. Суд учитывает, что Колумбия в 2014 году внесла поправки в Указ президента № 1946, с тем чтобы его применение соответствовало нормам международного права. Тем не менее Суд не считает, что принятие этого дополнительного положения является достаточным для решения проблемы, поднятой Никарагуа в этой связи. Суд считает, что Колумбия несет международно-правовое обязательство по исправлению ситуации.

Исходя из этих соображений, Суд приходит к выводу, что в отношении морских районов, в которых «единая прилегающая зона» Колумбии частично совпадает с исключительной экономической зоной Никарагуа, установление «единой прилегающей зоны» Колумбии, которое Суд признал несовместимым с нормами международного обычного права, отраженными в статье 33 Конвенции по морскому праву, нарушает суверенные права и юрисдикцию Никарагуа в исключительной экономической зоне. Из этого вытекает ответственность Колумбии. Колумбия обязана по своему усмотрению привести положения Указа президента № 1946 в соответствие с нормами международного обычного права в той части, в которой они касаются морских районов, объявленных Судом в его решении 2012 года относящимися к Никарагуа.

С. Выводы и средства правовой защиты (пп. 195–199)

Суд заключает, что Колумбия нарушила свое международное обязательство уважать суверенные права и юрисдикцию Никарагуа в его исключительной экономической зоне, что влечет за собой ответственность Колумбии, предусмотренную международным правом. Следовательно, Колумбия должна немедленно прекратить свои противоправные действия. Суд также заключает, что «единая прилегающая зона», созданная Указом президента Колумбии № 1946, не соответствует нормам международного обычного права и что в морских районах, где «единая прилегающая зона» частично совпадает с исключительной экономической зоной Никарагуа, «единая прилегающая зона» нарушает суверенные права и юрисдикцию Никарагуа в исключительной экономической зоне, что влечет за собой ответственность Колумбии. В связи с этим Колумбия обязана по своему усмотрению привести положения Указа президента № 1946 в соответствие с нормами международного обычного права в той части, в которой они касаются морских районов, объявленных Судом в его решении 2012 года относящимися к Никарагуа.

Суд отмечает, что в своих заключительных представлениях Никарагуа обратилось с рядом просьб, касающихся дополнительных средств правовой защиты. С учетом характера международно-противоправных действий Колумбии Суд считает, что вышеуказанных средств правовой защиты достаточно для возмещения ущерба, который международно-противоправные действия Колумбии причинили Никарагуа.

Что касается просьбы Никарагуа обязать Колумбию выплатить компенсацию, то Суд считает, что в ходе разбирательства Никарагуа не представило доказательств, подтверждающих, что суда, плавающие под флагом Никарагуа или имеющие лицензию Никарагуа, или рыбаки этих судов понесли материальный ущерб или были фактически лишены возможности вести промысел в результате воспрепятствования со стороны Колумбии с привлечением фрегатов ее военно-морских сил в исключительной экономической зоне Никарагуа. Следовательно, требование Никарагуа о выплате компенсации должно быть отклонено.

Наконец, Суд считает, что просьба Никарагуа о том, чтобы Суд продолжал рассматривать дело до тех пор, пока Колумбия не признает и не станет соблюдать права Никарагуа в Карибском море, закрепленные в решении 2012 года, не имеет под собой правового основания и поэтому должна быть отклонена.

IV. Встречные требования Колумбии (пп. 200–260)

A. Предполагаемое нарушение Никарагуа прав жителей архипелага Сан-Андрес на кустарное рыболовство в части доступа к их традиционным рыбопромысловым участкам и их эксплуатации (пп. 201–233)

Суд отмечает, что встречные требования Колумбии, касающиеся прав на кустарное рыболовство, которыми, как утверждает, пользуются жители архипелага Сан-Андрес, включая общину «раисалес», на традиционных рыбопромысловых участках, расположенных за пределами территориального моря островов архипелага Сан-Андрес, основываются на двух ключевых доводах. Во-первых, Колумбия утверждает, что жители архипелага Сан-Андрес, в частности община «раисалес», на протяжении веков занимаются традиционным и кустарным рыболовством в районах, которые сейчас входят в исключительную экономическую зону Никарагуа. Утверждается, что предполагаемая многовековая практика этих общин привела к возникновению неоспоримой «местной обычной нормы» в отношениях между сторонами или обычных прав на доступ и эксплуатацию, которые сохранились после создания исключительной экономической зоны Никарагуа. Кроме того, Колумбия ссылается на заявления президента Ортеги, главы государства Никарагуа, утверждая, что в них допускается или признается существование этих прав и что они представляют собой односторонние заявления, которые могут иметь юридические последствия в том смысле, что они равносильны предоставлению прав рыбакам, занимающимся кустарным промыслом.

Вначале Суд напоминает, что отношения сторон в том, что касается исключительной экономической зоны, регулируются нормами международного обычного права.

Затем Суд переходит к вопросу о том, доказала ли Колумбия, что жители архипелага Сан-Андрес, в частности община «раисалес», исторически пользуются «правами на кустарное рыболовство» в районах, которые сейчас относятся к исключительной экономической зоне Никарагуа, и что эти «права» сохранились после создания исключительной экономической зоны Никарагуа. Колумбия ссылается на 11 показаний под присягой в подтверждение существования давней практики кустарного рыболовства среди жителей архипелага Сан-Андрес, в частности общины «раисалес». Суд отмечает, что эти показания под присягой, по всей видимости, были даны специально для целей данного дела и подписаны рыбаками, которые могут считаться лицами, особо заинтересованными в исходе данного разбирательства, что влияет на весомость и доказательную силу этих свидетельств. Тем не менее Суд должен проанализировать упомянутые показания под присягой «на предмет полезности сказанного» и определить, подтверждают ли они довод Колумбии.

Рассмотрев эти показания под присягой, Суд отмечает, что они содержат указания на то, что в прошлом в некоторых районах, которые раньше были частью открытого моря, а теперь относятся к исключительной экономической зоне Никарагуа, велась рыбопромысловая деятельность. Вместе с тем Суд также отмечает, что показания под присягой не позволяют с уверенностью установить периоды, в течение которых осуществлялась такая деятельность, или определить, существовала ли на самом деле постоянная практика кустарного рыболовства на протяжении многих десятилетий или столетий, как утверждает Колумбия. Суд также отмечает, что большинство свидетелей под присягой указывают на то, что вели деятельность в «водах, прилегающих к объектам Колумбии» или на рыбопромысловых участках, расположенных «в пределах территориального моря Колумбии», а не в морских районах Никарагуа. Суд считает, что 11 показаний под присягой, представленных Колумбией, не являются достаточным доказательством того, что жители архипелага Сан-Андрес, в частности община «раисалес», издавна занимаются кустарным рыболовством на «традиционных рыбопромысловых участках», расположенных в водах, которые в настоящее время относятся к исключительной экономической зоне Никарагуа.

Суд также считает, что позиция, занятая Колумбией в других случаях, не согласуется с ее утверждением относительно существования такой традиционной практики кустарного рыболовства в исключительной экономической зоне Никарагуа.

Далее Суд обращается к ряду заявлений главы государства Никарагуа, которые, по мнению Колумбии, либо свидетельствуют о том, что Никарагуа допускает или признает, что жители архипелага, занимающиеся кустарным рыболовством, имеют право вести промысел в морских зонах Никарагуа без необходимости запрашивать предварительное разрешение, либо влекут за собой юридическое обязательство Никарагуа соблюдать эти права на рыболовство.

Суд отмечает, что в ряде своих заявлений президент Ортега ссылается на то, что членам общины «раисалес» и жителям архипелага требуется получать лицензии на вылов рыбы или разрешение Никарагуа на ведение кустарного или промышленного промысла. Кроме того, президент Ортега упоминал механизмы, которые должны быть созданы между Никарагуа и Колумбией, прежде чем рыбаки, ведущие

кустарный промысел, смогут осуществлять деятельность в водах, относящихся к исключительной экономической зоне Никарагуа в силу решения 2012 года. По мнению Суда, заявления президента Ортеги не свидетельствуют о признании Никарагуа того, что жители архипелага Сан-Андрес, в частности община «раисалес», имеют право вести промысел в морских зонах Никарагуа без предварительного получения разрешения. Следовательно, Суд не может поддержать довод Колумбии о том, что Никарагуа посредством заявлений главы своего государства допустило или признало, что община «раисалес» имеет право на ведение промысла в исключительной экономической зоне Никарагуа без получения разрешения от Никарагуа.

Затем Суд рассматривает вопрос о том, являются ли заявления президента Ортеги выражением юридического обязательства в отношении предоставления прав рыбакам, ведущим кустарный промысел.

По мнению Суда, заявления главы государства Никарагуа свидетельствуют о том, что органы власти Никарагуа знали о проблемах, возникавших в связи с рыбопромысловой деятельностью жителей архипелага, и о трудностях, с которыми столкнулась Колумбия при исполнении решения 2012 года. В этом контексте представляется, что Никарагуа выразило готовность заключить с Колумбией соглашение, касающееся соответствующих механизмов и решений для преодоления этих проблем. Учитывая вышеуказанные обстоятельства и придерживаясь ограничительного толкования, Суд не может принять альтернативный довод Колумбии о том, что упомянутые выше заявления президента Ортеги являются выражением юридического обязательства Никарагуа соблюдать права жителей архипелага Сан-Андрес, занимающихся кустарным промыслом, на ведение промысла в морских зонах Никарагуа без получения предварительного разрешения от Никарагуа.

По этим причинам Суд приходит к выводу, что Колумбия не смогла доказать, что жители архипелага Сан-Андрес, в частности община «раисалес», пользуются правами на кустарное рыболовство в водах, которые сейчас относятся к исключительной экономической зоне Никарагуа, или что Никарагуа посредством односторонних заявлений главы своего государства допустило или признало, что они пользуются традиционными правами на рыболовство, или юридически обязалось уважать эти права. С учетом всех вышеизложенных соображений Суд отклоняет третье встречное требование Колумбии.

Несмотря на вышеуказанное заключение, Суд принимает к сведению выраженную в заявлениях главы государства готовность Никарагуа провести переговоры с Колумбией о заключении соглашения, касающегося доступа членов общины «раисалес» к рыбопромысловым ресурсам, относящимся к исключительной экономической зоне Никарагуа. Суд считает, что наиболее подходящим решением для устранения озабоченности, выраженной Колумбией и ее гражданами в связи с доступом к рыбопромысловым ресурсам, относящимся к исключительной экономической зоне Никарагуа, будет проведение переговоров о заключении двустороннего соглашения между сторонами.

В. Предполагаемое нарушение суверенных прав и морских пространств Колумбии вследствие использования Никарагуа метода прямых исходных линий (пункты 234–260)

Суд переходит к встречному требованию Колумбии, касающемуся Декрета 33, которым Никарагуа установила у своего побережья в Карибском море систему прямых исходных линий, от которых отмеряется ширина его территориального моря.

Нормами международного обычного права, закрепленными в пункте 1 статьи 7 Конвенции по морскому праву, предусмотрено две связанных с географическими особенностями предпосылки для использования метода прямых исходных линий. Обязательным является наличие одной из предпосылок, а не их совокупности. Что касается прямых исходных линий, проведенных от мыса Грасиас-а-Диос, расположенного на материке, до Больших Кукурузных островов, расположенных вдоль побережья (точки 1–8), то Никарагуа указывает на существование «вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепи островов», что дает ей право использовать прямые, а не обычные исходные линии. Что касается самой южной части берега материка, то Никарагуа утверждает, что вогнутость берега в сторону суши на участке от точки Манки-Пойнт до конечной точки сухопутной границы с Коста-Рикой оправдывает использование прямых исходных линий, проведенных Никарагуа от точки 8 (Большие Кукурузные острова) до точки 9 (отмель Индио-Маис).

Суд отмечает, что, как представляется, не существует единого метода, чтобы определить, что береговая линия «глубоко изрезана и извилиста». Поскольку Никарагуа признает, что только самая южная часть ее берега в Карибском море подлежит рассмотрению в контексте второго географического условия, Суд должен установить, оправдано ли использование метода прямых исходных линий на отрезке между исходными точками 8 и 9, определенными в Декрете 33 с внесенными в него поправками, на том основании, что на соответствующем отрезке береговая линия «глубоко изрезана и извилиста». Суд считает, что соответствующий отрезок береговой линии Никарагуа недостаточно вогнут в сторону суши и не обладает характеристиками, достаточными для того, чтобы рассматривать его как «глубоко изрезанный и извилистый». Таким образом, напоминая, что метод прямых исходных линий «должен применяться ограничительно», Суд постановляет, что проведение прямой исходной линии на отрезке между исходными точками 8 и 9, определенными в Декрете 33 с внесенными в него поправками, не соответствует нормам международного обычного права о проведении прямых исходных линий, отраженным в пункте 1 статьи 7 Конвенции по морскому праву.

Затем Суд переходит к рассмотрению вопроса об остальных прямых исходных линиях Никарагуа, проходящих на отрезках от точки 1 до точки 8. Суд отмечает, что стороны расходятся во мнениях по вопросу о том, представляют ли собой прибрежные острова Никарагуа находящуюся «вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов» по смыслу пункта 1 статьи 7 Конвенции по морскому праву.

Суд начинает с рассмотрения вопроса о том, подтвердило ли Никарагуа факт наличия «островов», и если да, то составляют ли эти острова «цепь», находящуюся «вдоль берега и в непосредственной близости к нему» в соответствии с требованиями международного обычного права.

Суд в целом и с учетом содержащихся в его решении 2012 года выводов, согласно которым «существует ряд никарагуанских островов, расположенных у материкового берега Никарагуа», согласен с тем, что некоторые из 95 объектов, перечисленных Никарагуа, являются островами. Тем не менее Суд должен подчеркнуть, что из этого не следует автоматически, что все перечисленные Никарагуа объекты являются «островами» или что они представляют собой «цепь» по смыслу пункта 1 статьи 7 Конвенции по морскому праву.

Стороны расходятся во мнениях относительно того, является ли риф Эдинбург островом по своей природе и можно ли считать этот объект островом для целей проведения прямых исходных линий в соответствии со статьей 7 Конвенции по морскому праву. Принимая во внимание материалы дела, Суд считает, что есть веские основания в этом сомневаться. Таким образом, возникают серьезные вопросы относительно возможности использования этого рифа в качестве исходной точки для проведения прямых исходных линий в соответствии с указанной статьей. Суд придерживается мнения, что Никарагуа не доказало, что этот объект по своей природе является островом.

Что касается вопроса о наличии цепи островов, то Суд отмечает, что не существует конкретных положений, регулирующих минимальное число островов, хотя выражение «цепь островов» подразумевает, что такие острова не должны быть слишком малочисленными по отношению к протяженности берега. С учетом неопределенности в отношении того, какие из 95 объектов являются островами, Суд, принимая во внимание карты и численные данные, представленные сторонами, не считает, что число никарагуанских островов по отношению к протяженности берега достаточно для того, чтобы они представляли собой «цепь островов» вдоль берега Никарагуа.

При определении того, можно ли считать объекты, указанные заявителем, «цепью островов», Суд отмечает, что согласно норме международного обычного права, отраженной в пункте 1 статьи 7 Конвенции по морскому праву, эта цепь островов должна располагаться «вдоль берега» и в «непосредственной близости к нему». В сочетании с дополнительными требованиями, содержащимися в пункте 3 статьи 7, согласно которому при проведении прямых исходных линий «не допускается сколько-нибудь заметных отклонений от общего направления берега», а «участки моря, лежащие с внутренней стороны этих линий, должны быть достаточно тесно связаны с береговой территорией, чтобы на них мог быть распространен режим внутренних вод», конкретные требования, содержащиеся в пункте 1 статьи 7, указывают на то, что «цепь островов» должна находиться в достаточной близости от материка, чтобы ее можно было рассматривать в качестве внешней границы или оконечности этого берега. Недостаточно, чтобы соответствующие морские объекты в целом были частью общей географической структуры государства. Они должны быть неотъемлемой частью его береговой структуры.

С учетом этих соображений Суд считает, что «острова» Никарагуа расположены недостаточно близко друг к другу, чтобы образовывать вдоль берега целостное «скопление» или «вереницу», и недостаточно тесно связаны с материковой территорией, чтобы считаться внешней границей берега. В подтверждение связи между «островами» и материком Никарагуа указывает на то, что «между материком и Кукурузными островами есть множество небольших рифовых островов и что вследствие этого территориальные моря этих двух стран сливаются и частично совпадают». Тем не менее Суд отмечает, что прямыми исходными линиями Никарагуа ограничены протяженные морские районы, в которых не было установлено наличие никаких морских объектов, указывающих на их принадлежность к территориальному морю. Суд далее отмечает, что объекты и острова, расположенные к югу от материкового берега Никарагуа, представляются весьма обособленными от группы островов, расположенных севернее. Кроме того, наблюдается заметное нарушение непрерывности на участке протяженностью более 75 морских миль между островом Нед Томас, на котором Никарагуа установило исходную точку 4, и островами Мэн-оф-Вор, где находится исходная точка 5. Никарагуа признает, что группы островов вдоль его берега являются «разрозненными».

Кроме того, Суд не считает, что острова Никарагуа «ограждают... часть берега» таким образом, что существенная часть материкового берега оказывается скрыта за ними. Суд отмечает, что стороны расходятся во мнениях относительно подхода, который должен быть принят для оценки того, насколько сильно берег скрыт за островами, и предлагают использовать различные методы, предусматривающие построение разных видов проекций. Не высказывая какое-либо мнение относительно того, подходят ли проекции, предложенные сторонами для оценки того, насколько сильно берег скрыт за островами, для целей пункта 1 статьи 7 Конвенции по морскому праву, Суд считает, что даже если придерживаться подхода, предложенного Никарагуа, то морские объекты, которые заявитель определяет как «острова», не достаточно значимы, чтобы считать, что они скрывают существенную часть берега со стороны моря.

С учетом вышеизложенных выводов Суд не может согласиться с доводом Никарагуа о существовании непрерывной цепи или «сложной системы островов, островков и рифов, ограждающих эту часть берега» Никарагуа. Из этого следует, что прямые исходные линии Никарагуа не соответствуют требованиям международного обычного права, отраженным в пункте 1 статьи 7 Конвенции по морскому праву.

Собственные доказательства Никарагуа подтверждают, что из-за использования метода прямых исходных линий определенные районы, которые в ином случае были бы частью территориального моря или исключительной экономической зоны Никарагуа, отнесены к его внутренним водам, и определенные районы, которые в ином случае были бы частью исключительной экономической зоны Никарагуа, отнесены к его территориальному морю. Таким образом, из-за использования Никарагуа метода прямых исходных линий Колумбия лишается прав, на которые она может претендовать в исключительной экономической зоне, включая свободу судоходства и полетов и прокладки подводных кабелей и трубопроводов, как это предусмотрено

нормой международного обычного права, отраженной в пункте 1 статьи 58 Конвенции по морскому праву.

По причинам, изложенным выше, Суд заключает, что проведение прямых исходных линий в соответствии с Указом 33 с внесенными в него поправками не соответствует нормам международного обычного права. Суд считает, что надлежащим средством правовой защиты стало бы соответствующее судебное определение.

V. Постановляющая часть (п. 261)

По указанным выше причинам

Суд

1) десятью голосами против пяти

постановляет, что имеющаяся у него в силу статьи XXXI Боготского пакта юрисдикция по рассмотрению спора о предполагаемых нарушениях Республикой Колумбия прав Республики Никарагуа в морских зонах, принадлежащих согласно решению Суда 2012 года Республике Никарагуа, распространяется на требования, выдвинутые в связи с событиями, на которые ссылается Республика Никарагуа и которые произошли после 27 ноября 2013 года — даты, когда Боготский пакт утратил силу для Республики Колумбия;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Донохью; Вице-председатель Геворгян; судьи Томка, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Абраам, Беннуна, Юсуф, Нольте; судья *ad hoc* Макрей;

2) десятью голосами против пяти

постановляет, что, препятствуя деятельности судов, плавающих под флагом Никарагуа или имеющих лицензию Никарагуа, по ведению рыбного промысла и проведению морских научных исследований и деятельности военно-морских судов Республики Никарагуа в ее исключительной экономической зоне и предпринимая попытки в принудительном порядке обеспечить соблюдение природоохранных мер в этой зоне, Республика Колумбия нарушает суверенные права и юрисдикцию Республики Никарагуа в этой морской зоне;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Донохью; Вице-председатель Геворгян; судьи Томка, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Абраам, Беннуна, Юсуф, Нольте; судья *ad hoc* Макрей;

3) девятью голосами против шести

постановляет, что, выдавая разрешения на рыбопромысловую деятельность в исключительной экономической зоне Республики Никарагуа, Республика Колумбия нарушает суверенные права и юрисдикцию Республики Никарагуа в этой морской зоне;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Донохью; судьи Томка, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: Вице-председатель Геворгян; судьи Абраам, Беннуна, Юсуф, Нольте; судья *ad hoc* Макрей;

4) девятью голосами против шести

постановляет, что Республика Колумбия должна немедленно прекратить действия, указанные в пунктах 2) и 3) выше;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Донохью; судьи Томка, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: Вице-председатель Геворгян; судьи Абраам, Беннуна, Юсуф, Нольте; судья *ad hoc* Макрей;

5) тринадцатью голосами против двух

постановляет, что установление Республикой Колумбия «единой прилегающей зоны» в соответствии с Указом президента № 1946 от 9 сентября 2013 года с поправками, внесенными Указом № 1119 от 17 июня 2014 года, противоречит нормам международного обычного права, как указано в пунктах 170–187 выше;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Донохью; Вице-председатель Геворгян; судьи Томка, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судья Абраам; судья *ad hoc* Макрей;

6) двенадцатью голосами против трех

постановляет, что Республика Колумбия должна, избрав любые средства по своему усмотрению, привести в соответствие с нормами международного обычного права положения Указа президента № 1946 от 9 сентября 2013 года с поправками, внесенными Указом 1119 от 17 июня 2014 года, в той части, в которой они касаются морских районов, объявленных Судом в его решении 2012 года относящимися к Республике Никарагуа;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Донохью; Вице-председатель Геворгян; судьи Томка, Беннуна, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Абрахам, Юсуф; судья *ad hoc* Макрей;

7) двенадцатью голосами против трех

постановляет, что прямые исходные линии Республики Никарагуа, установленные Декретом № 33-2013 от 19 августа 2013 года с поправками, внесенными Декретом № 17-2018 от 10 октября 2018 года, не соответствуют нормам международного обычного права;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Донохью; Вице-председатель Геворгян; судьи Томка, Абраам, Юсуф, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Беннуна, Сюэ; судья *ad hoc* Макрей;

8) четырнадцатью голосами против одного

отклоняет все прочие представления Сторон.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Донохью; Вице-председатель Геворгян; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Юсуф, Сюэ, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Салам, Ивасава, Нольте; судья *ad hoc* Доде;

ГОЛОСОВАЛ ПРОТИВ: судья *ad hoc* Макрей.

*

Вице-Председатель Геворгян прилагает к решению Суда заявление; судья Томка прилагает к решению Суда особое мнение; судья Абраам прилагает к решению Суда несогласное мнение; судья Беннуна прилагает к решению Суда заявление; судья Юсуф прилагает к решению Суда особое мнение; судья Сюэ прилагает к решению Суда заявление; судья Робинсон прилагает к решению Суда особое мнение; судья Ивасава прилагает к решению Суда заявление; судья Нольте прилагает к решению Суда несогласное мнение; судья *ad hoc* Макрей прилагает к решению Суда несогласное мнение.

*

* *

Заявление Вице-председателя Геворгияна

Вице-председатель Геворгиян проголосовал против вывода большинства судей о том, что Колумбия нарушает суверенные права Никарагуа в его исключительной экономической зоне (ИЭЗ), выдавая разрешения на рыбный промысел в этой морской зоне.

По его мнению, Никарагуа не обосновала свое утверждение о том, что Колумбия выдавала судам под колумбийским флагом и иностранными флагами разрешения на рыбный промысел в районах, относящихся к ИЭЗ Никарагуа. В частности, Вице-председатель поднимает вопрос о том, подтверждаются ли предполагаемые действия колумбийских судов достаточными доказательствами. Более того, даже в случае наличия убедительных доказательств, он выражает сомнение в том, что эти действия могут служить основанием для подтверждения вывода о том, что рыбный промысел в соответствующих районах велся с разрешения органов власти Колумбии. Наконец, Вице-председатель по-прежнему не убежден, что постановления, принятые Главным морским управлением (ГМУ) Министерства национальной обороны Колумбии, представляют собой разрешения на рыбный промысел, и даже если это так — что они распространяются на морские районы, принадлежащие Никарагуа.

По этим причинам Вице-председатель также не счел возможным проголосовать в поддержку обращенного к Колумбии призыва Суда прекратить соответствующие действия.

Особое мнение судьи Томки

Хотя судья Томка проголосовал в поддержку всех выводов, сделанных Судом, он высказывает ряд замечаний по двум вопросам в своем особом мнении.

Первый вопрос касается юрисдикции Суда на основании статьи XXXI Боготского пакта. Колумбия утверждала, что Суд не обладает юрисдикцией *ratione temporis* для рассмотрения каких бы то ни было требований Никарагуа, основанных на фактах, которые предположительно имели место после того, как Пакт утратил силу для Колумбии. Согласно толкованию Колумбии статья XXXI Пакта содержит временное ограничение юрисдикции Суда. При таком толковании Суд не обладал бы юрисдикцией для рассмотрения различных инцидентов, на которые ссылается Никарагуа и которые произошли после того, как Пакт утратил силу для Колумбии. Судья Томка объясняет, почему, по его мнению, аргумент Колумбии не может быть принят.

Он считает, что статья XXXI, толкуемая добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам Пакта в их контексте, а также в свете объекта и цели Пакта, не содержит никакого временного ограничения юрисдикции Суда.

Он также отмечает, что представление государствами дополнительных фактов после подачи заявления в Суд является обычной практикой. Предел свободы государств в представлении таких новых фактов определяется таким образом, чтобы спор, переданный на рассмотрение Суда посредством заявления, не был преобразован в другой спор, отличающийся от первоначального по своему характеру. По мнению судьи Томки, то, что Никарагуа ссылается на инциденты, которые не были упомянуты в его Заявлении, в данном случае не ведет к преобразованию рассматриваемого спора в другой спор, отличающийся от первоначального по своему характеру.

Судья Томка напоминает об устоявшемся принципе, согласно которому, после того как юрисдикция Суда для рассмотрения дела установлена, Суд не может лишиться своей юрисдикции в силу последующей утраты оснований для установления юрисдикции. Поскольку рассмотрение инцидентов, произошедших после даты, когда Боготский пакт утратил силу для Колумбии, не ведет к преобразованию спора, переданного на рассмотрение Суда, в другой спор, отличающийся от первоначального по своему характеру, инциденты могут быть рассмотрены Судом при вынесении решения в отношении требования Никарагуа.

Вместе с тем судья Томка не разделяет мнение Суда о том, что формулировка «до тех пор, пока данный договор остается в силе» в статье XXXI Боготского пакта ограничивает период, в течение которого должен был возникнуть такой спор. По его мнению, эта формулировка не предполагает каких-либо временных условий или ограничений в отношении споров, на которые распространяется юрисдикция Суда. Скорее, по его мнению, эта формулировка касается действия во времени оснований для установления юрисдикции, перечисленных в статье XXXI Пакта. Заявитель может начать судебное разбирательство против другого государства — участника Пакта только в период действия оснований для установления юрисдикции.

Затем судья Томка переходит ко второму вопросу, а именно к заключению Суда, касающемуся прямых исходных линий, проведенных Никарагуа, и к юридическим последствиям, вытекающим из этого заключения. Он отмечает, что Суд не предусматривает никаких правовых последствий в связи со своим заключением о том, что прямые исходные линии проведены Никарагуа в нарушение норм международного обычного права, но в то же время предусматривает такие последствия в связи со своим заключением о том, что «единая прилежащая зона» Колумбии установлена в нарушение норм международного обычного права. Судья Томка отмечает, что это различие можно объяснить только тем, что Колумбия, в отличие от Никарагуа, официально не просила Суд предусмотреть какие-либо правовые последствия в связи с его заключением, касающимся прямых исходных линий Никарагуа.

По мнению судьи Томки, нет никаких сомнений в том, что Никарагуа должно привести свои прямые исходные линии в Карибском море в соответствие с положениями Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. В

конечном счете эти исходные линии также затрагивают интересы и права других государств.

Несогласное мнение судьи Абраама

Судья Абраам не согласен с теми частями решения, которые касаются юрисдикции *ratione temporis* и «единой прилежащей зоны». Именно в силу этого он проголосовал против большинства пунктов постановляющей части.

Что касается вопроса о юрисдикции Суда в отношении фактов, имевших место после 27 ноября 2013 года, то сначала судья Абраам отмечает, что в решении 2016 года этот вопрос не был урегулирован ни прямо, ни косвенно. Затем он указывает, что прецеденты, на которые ссылаются стороны, не имеют отношения к делу с учетом нового характера вопроса, поставленного в данном деле. По мнению судьи Абраама, содержание статьи XXXI Боготского пакта едва ли совместимо с идеей о том, что Суд может осуществлять свою юрисдикцию в отношении фактов, имевших место после вступления в силу денонсации Пакта. То, что эти факты были приведены в контексте дела, которое уже находилось на рассмотрении Суда, не меняет сути этого вывода. Судья Абраам отмечает, что прецеденты, на которые ссылается Суд, касаются приемлемости новых требований, предъявленных в ходе разбирательства, а не его юрисдикции. По его мнению, наблюдающаяся в судебной практике относительная гибкость в отношении приемлемости таких новых требований не оправдана в случае, когда Суд должен рассмотреть вопрос о юрисдикции — вопрос, требующий определенной строгости. Хотя Суд при его рассмотрении учитывал то, как вопрос о юрисдикции толковался в деле *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)* (Некоторые вопросы взаимной помощи по уголовным делам (Джибути против Франции)), в указанном деле речь шла о том, на какой предметный объем юрисдикции Суда Франция давала свое согласие, а не о юрисдикции *ratione temporis*. Судья Абраам признает, что в ситуации, когда факты составляют единое целое, от Суда может потребоваться изучение фактов, имевших место после утраты оснований для установления юрисдикции. В данном деле факты, имевшие место после и до переломной даты, полностью отделимы друг от друга, даже если они имеют более или менее сходный характер.

Что касается вопроса о «единой прилежащей зоне», то судья Абраам считает, что подход, принятый большинством судей, носит слишком абстрактный характер. Он подчеркивает, что требование Никарагуа сводилось к предполагаемым нарушениям прав Никарагуа в его исключительной экономической зоне, и этот факт в решении скорее упускается из виду. В данном случае вопрос о соответствии «единой прилежащей зоны» нормам международного права не совпадает в полной мере с вопросом о соблюдении прав, на которые ссылается Никарагуа как прибрежное государство. По мнению судьи Абраама, именно «суверенные права» и «юрисдикция» прибрежного государства, вытекающие из нормы обычного права, отраженной в пункте 1 а) и б) статьи 56 Конвенции по морскому праву, должны были послужить ориентиром при рассмотрении Указа № 1946 об установлении прилежащей зоны. Вопрос о протяженности «единой прилежащей зоны» не имеет большого значения в этом отношении. Что касается положений Указа № 1946, касающихся безопасности,

то судья Абраам считает, что в решении не доказывается, что имело место нарушение «суверенных прав» и «юрисдикции» Никарагуа, а лишь рассматривается *in abstracto* вопрос о том, соответствуют ли эти положения международному обычному праву. Наконец, судья Абраам считает, что само по себе принятие Колумбией рассматриваемого Указа без каких-либо конкретных мер по реализации оспариваемых положений не может рассматриваться как международно-противоправное деяние, поскольку на стадии реализации Указ может быть истолкован таким образом, чтобы это не ущемляло прав Никарагуа.

Заявление судьи Беннуны

Судья Беннуна проголосовал против решения Суда о том, что Суд обладает юрисдикцией *ratione temporis* для рассмотрения фактов и событий, которые, как утверждает Никарагуа, произошли после 27 ноября 2013 года (подпункт 1 пункта 261). Он считает, что толкование Судом Боготского пакта, и в частности арбитражной оговорки, содержащейся в его статье XXXI, должно было производиться с использованием средств толкования, предусмотренных Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года. Таким образом, в целях соблюдения статьи XXXI Боготского пакта, Суд должен был заявить, что он не обладает юрисдикцией для вынесения решения по всем инцидентам, которые, как утверждает заявитель, произошли после переломной даты 27 ноября 2013 года.

Судья Беннуна указывает, что ни одно из дел, на которые ссылается Суд (пункт 44), не касается фактов или событий, произошедших после того, как основания для установления юрисдикции утратили силу в отношениях между сторонами. Следовательно, очевидно, что данное дело не может рассматриваться таким же образом, как упомянутые Судом прецеденты, поскольку рассматриваемая ситуация с ними не сопоставима.

Учитывая вышесказанное, судья Беннуна также проголосовал против подпункта 2 постановляющей части, касающегося нарушения Колумбией суверенных прав и юрисдикции Никарагуа (подпункт 2 пункта 250), и подпункта 3, касающегося выдачи Колумбией разрешений на рыбный промысел (подпункт 3 пункта 250).

Наконец, судья Беннуна проголосовал против подпункта 7 постановляющей части, в котором говорится, что прямые исходные линии, проведенные Никарагуа, не соответствуют нормам международного обычного права (подпункт 7 пункта 250). Он подчеркивает, что речь идет о встречном требовании, касающемся предполагаемых нарушений суверенных прав и морских пространств Колумбии в результате использования Никарагуа метода прямых исходных линий. По его мнению, Суд мог бы оценить, соответствуют ли прямые исходные линии Никарагуа нормам международного права только в том случае, если бы Колумбия смогла доказать, что при проведении Никарагуа таких исходных линий были преднамеренно ущемлены ее права в соответствующей исключительной экономической зоне.

Особое мнение судьи Юсуфа

В своем особом мнении судья Юсуф объясняет свое несогласие с выводом, содержащимся в подпункте 1) постановляющей части решения, относительно юрисдикции Суда *ratione temporis*. По мнению судьи Юсуфа, в решении следовало провести подробный анализ толкования статьи XXXI Боготского пакта, в которой устанавливаются пределы и условия юрисдикции Суда. С его точки зрения, толкование текста статьи XXXI привело бы Суд к выводу, что юрисдикция Суда *ratione temporis* не распространяется на требования Никарагуа, в основе которых лежат инциденты, произошедшие после 27 ноября 2013 года — даты, когда Боготский пакт утратил силу для Колумбии. По мнению судьи Юсуфа, из текста статьи XXXI совершенно ясно, что юрисдикция *ratione temporis* Суда ограничивается требованиями, в основе которых лежат факты, имевшие место до того, как договор утратил свою силу в отношениях между сторонами.

Судья Юсуф также отмечает, что Суд никогда не сталкивался с подобной ситуацией. В связи с этим он считает, что, вопреки тому, что указано в пункте 45 решения, в решении 2016 года нет ничего, что позволило бы предположить, что юрисдикция Суда распространяется на факты, имевшие место после того, как Боготский пакт утратил силу для Колумбии. «Спор», существование которого Суд признал в своем решении 2016 года, был ограничен фактами, которые имели место «по состоянию на дату подачи заявления», т. е. до утраты оснований для установления юрисдикции. Кроме того, судья Юсуф считает, что практика Суда в отношении приемлемости новых фактов или требований, которые имели место после подачи заявления, но до утраты оснований для установления юрисдикции, неприменима к вопросу о том, влияет ли утрата оснований для установления юрисдикции на юрисдикцию Суда по рассмотрению инцидентов, которые предположительно произошли после того, как Боготский пакт утратил силу в отношениях между сторонами. По мнению судьи Юсуфа, эта судебная практика предполагает продолжающееся существование действительных оснований для установления юрисдикции, которые в данном случае отсутствуют. Наконец, судья Юсуф отмечает, что инциденты, которые предположительно произошли до и после 27 ноября 2013 года, нельзя считать во всех случаях «одинаковыми по характеру», поскольку некоторые из них не являются однородными по характеру и не всегда связаны с идентичными фактами или общими правовыми основами.

Судья Юсуф также не согласен с заключением Суда, содержащимся в подпункте б) постановляющей части и касающимся соответствия нормам международного обычного права положений Указа президента Колумбии № 1946 от 9 сентября 2013 года с поправками, внесенными Указом № 1119 от 17 июня 2014 года. Колумбия нарушила права Никарагуа в его ИЭЗ не только путем как такового введения в действие положений указа, но и путем их реализации при установлении «единой прилегающей зоны» и осуществления своих полномочий в ней. В самом решении нигде не говорится, что Колумбия нарушила свои обязательства по международному обычному праву лишь посредством принятия Указа или что именно Указ сам по себе противоречит нормам международного права. Из решения, скорее, следует что именно установление Колумбией «единой прилегающей зоны» противоречит нормам

международного обычного права. Этот вывод впоследствии отражен в подпункте 5) постановляющей части, с которым не согласуется подпункт 6). Поэтому, по мнению судьи Юсуфа, обязательство привести ситуацию в соответствие с нормами международного обычного права должно, согласно логике, относиться к самой «единой прилежащей зоне», а не к положениям Указа президента как таковым, как это сформулировано в подпункте 6) постановляющей части.

Заявление судьи Сюэ

Судья Сюэ согласна с заключением Суда в отношении третьего встречного требования Колумбии, касающегося прав жителей архипелага Сан-Андрес на кустарное рыболовство. Вместе с тем в отношении традиционных или исторических прав на рыболовство она делает несколько замечаний.

Судья Сюэ считает, что традиционные права на рыболовство, касающиеся первую очередь кустарного промысла, который мог практиковаться на протяжении веков, признаются и защищаются в рамках международного обычного права. Она отмечает, что на второй и третьей конференциях Организации Объединенных Наций по морскому праву государства придерживались разных мнений относительно того, должно ли прибрежное государство обладать исключительными правами на эксплуатацию живых ресурсов в исключительной экономической зоне и в какой степени может сохраняться традиционное рыболовство. В этой связи упоминались как традиционное кустарное рыболовство, так и экспедиционное промышленное рыболовство.

Вопреки утверждению Никарагуа о том, что развивающиеся страны «категорически возражали» против защиты традиционных прав на рыболовство, судья Сюэ отмечает, что эти страны на самом деле очень критически относятся к иностранной практике промышленного и коммерческого рыболовства, особенно к тем «основанным на давности правам», которые были получены в эпоху колониализма. В то же время они с пониманием относились к промысловым интересам развивающихся стран, экономика которых зависела от рыболовства.

Судья Сюэ отмечает, что установление режима исключительной экономической зоны является одним из главных достижений Третьей конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, поскольку в нем в значительной степени учтены обеспокоенность прибрежных государств в связи с эксплуатацией живых ресурсов в форме промышленного и коммерческого промысла, который ведут иностранные суда в их прибрежных водах, и необходимость обеспечения оптимального использования природных ресурсов моря. С появлением этого нового режима коренным образом изменились границы морских рыбопромысловых участков и был положен конец свободе рыболовства в районах, относящихся к исключительной экономической зоне прибрежных государств.

Что касается пункта 1 статьи 51 Конвенции по морскому праву, то судья Сюэ считает, что история его разработки не свидетельствует в пользу толкования Никарагуа, согласно которому это положение является единственным исключением,

предусматривающим сохранение традиционных прав на рыболовство согласно Конвенции по морскому праву. Судья Сюэ указывает, что, как следует из подготовительных материалов, пункт 1 статьи 51 был призван обеспечить поддержание баланса прав и интересов между государствами-архипелагами и их соседями по региону, чьи промысловые интересы окажутся под существенной угрозой вследствие делимитации границ архипелажных вод. Пункт 1 статьи 51 применим только к специальному режиму и касается исключительно традиционных прав на рыболовство в архипелажных водах. В международном праве отсутствуют юридические основания, исключающие существование традиционных прав на рыболовство при других обстоятельствах.

Комментируя утверждение Никарагуа о том, что в пункте 3 статьи 62 Конвенции, касающейся обычного рыболовства, установлено соотношение между исключительной экономической зоной и традиционными правами на рыболовство, судья Сюэ считает, что такой вывод является слишком обширным. Обычное рыболовство может включать определенные виды традиционной промысловой деятельности, осуществляемой отдельными рыбаками других государств, однако в контексте данной статьи этот фактор сам по себе не может служить основанием, чтобы предположить, что данная статья охватывает все ситуации, связанные с традиционными правами на рыболовство.

По мнению судьи Сюэ, установление режима исключительной экономической зоны в соответствии с Конвенцией само по себе не отменяет традиционных прав на рыболовство, которые могут быть признаны существующими по международному обычному праву. Что касается соотношения между Конвенцией по морскому праву и нормами международного обычного права, то судья Сюэ ссылается на устоявшуюся практику Суда и заявляет, что до тех пор, пока существование традиционных прав на рыболовство прямо не отрицается договорным правом или новыми обычными нормами, такие права будут продолжать существовать в рамках международного обычного права. В соответствии с преамбулой Конвенции «вопросы, не регулируемые настоящей Конвенцией, продолжают регламентироваться нормами и принципами общего международного права».

Судья Сюэ отмечает, что традиционные права на рыболовство признаются и защищаются в практике государств и в судебной и арбитражной практике. Чтобы установить традиционные права на рыболовство, часто применяются два условия: во-первых, наличие традиционных прав на рыболовство должно подтверждаться практикой «кустарного рыболовства» и, во-вторых, такая рыболовная деятельность должна осуществляться регулярно в течение длительного периода времени. Первый аспект применяется в основном для того, чтобы отличить традиционное рыболовство от промышленного, тогда как второй аспект должен оцениваться с учетом обстоятельств каждого конкретного случая. В данном случае судья Сюэ полагает, что, хотя доказательства, представленные Колумбией, не считаются достаточными для обоснования ее требований, в заявлениях президента Никарагуа не отрицается существование у жителей архипелага Сан-Андрес, в частности общины «раисалес», практики традиционного рыболовства. Исходя из соображений сохранения местных традиций и обычаев жителей архипелага Сан-Андрес, Судья Сюэ придерживается

мнения, что заключение между Сторонами соглашения о рыболовстве в интересах общины «раисалес» будет способствовать укреплению стабильности и развитию сотрудничества в регионе.

Особое мнение судьи Робинсона

1. Судья Робинсон, проголосовавший в поддержку вывода Суда о том, что Колумбия нарушила суверенные права Никарагуа в ее исключительной экономической зоне (ИЭЗ), в своем мнении высказывает замечания, касающиеся позиции Суда по вопросу о суверенных правах прибрежного государства в его ИЭЗ.

2. Во-первых, судья Робинсон отмечает, что в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву закреплена ряд взаимосвязанных прав и обязательств, регулирующих отношения между прибрежным государством и другими государствами в отношении ИЭЗ. По его мнению, в Конвенции посредством обязательств по должному учету, предусмотренных ее статьями 56 2) и 58 3), предпринимается попытка установить баланс между правами и обязанностями прибрежного государства в его ИЭЗ и правами и обязанностями других государств в этой зоне. Судья Робинсон выражает несогласие с комментариями, согласно которым статья 56 является «применимым положением» для целей статьи 58 1) Конвенции. По его мнению, в результате такого прочтения Конвенции права прибрежного государства в ИЭЗ будут иметь приоритет над свободами, которыми пользуются другие государства в этой зоне. Судья Робинсон приходит к выводу, что при обсуждении Конвенции не предполагался такой результат.

3. Судья Робинсон считает, что для рассмотрения вопросов, затронутых в требовании Никарагуа и встречном требовании Колумбии, необходимо изучить права, обязанности и юрисдикцию прибрежного государства в его ИЭЗ, а также природу прав и свобод других государств в этой зоне, в особенности свободы судоходства. В этой связи он считает, что решение Суда было бы гораздо более обоснованным, если бы имело место обсуждение вопроса о природе суверенных прав прибрежного государства в его ИЭЗ, призванное продемонстрировать, что эти права присущи исключительно прибрежному государству, а также вопросов о природе и сфере действия свободы судоходства, на которые ссылается Колумбия.

4. Что касается характера и сферы применения принципа свободы судоходства, то судья Робинсон считает, что в контексте части V Конвенции эта свобода включает в себя свободный проход или движение судов третьих государств в ИЭЗ прибрежного государства без какого-либо права со стороны прибрежного государства ограничивать этот проход или движение каким-либо образом, если только на судне не осуществляется деятельность, которая не связана непосредственно с этим проходом или движением и препятствует осуществлению прибрежным государством своих суверенных прав. В связи с этим он отмечает, что свобода судоходства в соответствии со статьей 58 1) ограничена в большей степени, чем свобода судоходства в открытом море в соответствии со статьей 87, поскольку суверенные права прибрежного государства в его ИЭЗ на разведку, эксплуатацию, сохранение своих живых и неживых ресурсов и управление ими будут влиять на свободу судоходства третьего

государства в этой зоне. По своей сути преследование военно-морскими судами Колумбии никарагуанских рыбаков и остановка ими никарагуанских рыболовных судов и других судов, имеющих лицензию Никарагуа, в целях принятия мер, которые Колумбия считает надлежащими природоохранными мерами, не имеют прямого отношения к проходу судна и не подпадают под действие принципа свободы судоходства в соответствии со статьей 58. Таким образом, эта деятельность представляет собой нарушение суверенных прав Никарагуа на разведку, эксплуатацию, сохранение природных ресурсов и управление ими, в частности на рыбный промысел. В любом случае, осуществляя эту деятельность в ИЭЗ Никарагуа, Колумбия не смогла бы выполнить существенное требование статьи 58 3), касающееся должного учета.

5. Далее судья Робинсон рассматривает характер и сферу действия суверенных прав Никарагуа в ее ИЭЗ. По его мнению, вопреки позиции Суда, недостаточно признать, что правами, связанными с разведкой, эксплуатацией, сохранением природных ресурсов в ИЭЗ и управлением ими, а также полномочиями по разработке природоохранной политики для этой зоны, «наделено непосредственно прибрежное государство»; скорее ими наделено исключительно прибрежное государство. Этот вывод следует из истории развития концепции ИЭЗ, переговоров, предшествовавших принятию Конвенции, и текста самой Конвенции. Судья Робинсон далее отмечает, что замысел Конвенции не допускает, чтобы другие государства, кроме прибрежного государства, осуществляли какие-либо суверенные права, присущие этому государству в его ИЭЗ, в целях сохранения рыбных ресурсов и управления ими. По мнению судьи Робинсона, единственным изъятием из этого принципа исключительности является закрепленное в статье 62 2) обязательство путем соглашений и других договоренностей предоставлять другим государствам доступ к остатку допустимого улова и при этом специально учитывать положения статей 69 и 70.

6. Судья Робинсон далее отмечает, что обязательства прибрежного государства, связанные с сохранением ресурсов его ИЭЗ и управлением ими, являются в такой же степени исключительными для этого государства, как и его суверенные права на эксплуатацию, разведку, сохранение этих ресурсов и управление ими. Само по себе представление какого-либо государства о том, что прибрежное государство не выполняет свои обязательства по сохранению своих живых ресурсов и управлению ими, даже если оно вполне обосновано, не дает ему права брать на себя ответственность за выполнение этих обязательств.

7. Важным свидетельством исключительного характера суверенных прав прибрежного государства на сохранение живых ресурсов его ИЭЗ и управление ими, по мнению судьи Робинсона, являются обширные и всеобъемлющие полномочия, которыми наделено прибрежное государство в соответствии со статьей 73 1) Конвенции. Если прибрежное государство обладает исключительными суверенными правами в целях разведки, эксплуатации, сохранения своих живых и неживых ресурсов и управления ими, то следует ожидать, что оно также будет обладать полномочиями для принятия мер в соответствующей зоне, которые позволят ему реализовывать эти права. По мнению судьи Робинсона, этот вывод подтверждается решением Международного трибунала по морскому праву по делу *M/V Virginia G* (дело о теплоходе «Вирджиния Джи»).

8. В заключение судья Робинсон рассматривает вопрос о том, является ли юрисдикция государства над судами, плавающими под его флагом, изъятием из исключительных суверенных прав прибрежного государства в его ИЭЗ. Судья Робинсон приходит к выводу, что хотя полномочия государства флага в отношении своих судов в соответствии со статьями 92 и 94 Конвенции являются исключительными, осуществление этих полномочий в пределах ИЭЗ прибрежного государства регулируется статьей 58 2) Конвенции, которая гласит следующее: «Статьи 88–115 и другие соответствующие нормы международного права применяются к исключительной экономической зоне постольку, поскольку они не являются несовместимыми с настоящей Частью». Таким образом, если государство флага обладает исключительной юрисдикцией над своими судами в открытом море и поэтому может устанавливать природоохранные стандарты для этих судов, пока они находятся в открытом море, то в ИЭЗ исключительное право и обязанность устанавливать применимые природоохранные стандарты для этой зоны принадлежат прибрежному государству.

Заявление судьи Ивасава

Судья Ивасава высказывает свое мнение по поводу единой прилегающей зоны Колумбии и аргументации Суда в этом отношении.

Суд считает, что пункт 1 статьи 33 Конвенции по морскому праву отражает нормы международного обычного права, касающиеся прилегающей зоны, в том, что касается полномочий, которые прибрежное государство может осуществлять в этой зоне, и что в своей прилегающей зоне прибрежное государство не может осуществлять контроль в отношении вопросов безопасности. Судья Ивасава считает важным тот факт, что на Третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву не было высказано предложений добавить другие вопросы в перечень, содержащийся в пункте 1 статьи 33.

В пункте 1 статьи 56 Конвенции по морскому праву предусматривается, что прибрежное государство в исключительной экономической зоне имеет а) суверенные права в отношении природных ресурсов и б) юрисдикцию в отношении защиты морской среды. В пункте 1 с) далее указывается, что прибрежное государство также имеет «другие права», предусмотренные в Конвенции. Судья Ивасава поясняет, что прибрежное государство обладает свободой судоходства в своей исключительной экономической зоне.

Судья Ивасава считает, что содержащиеся в статье 5 3) Указа президента Колумбии № 1946 полномочия по предотвращению и контролю нарушений, связанных со «всеобъемлющей безопасностью государства», включая незаконный оборот наркотиков и «поведение, подрывающее безопасность на море», сами по себе не затрагивают суверенные права и юрисдикцию Никарагуа, но они, несомненно, являются посягательством на свободу судоходства Никарагуа в его исключительной экономической зоне.

Суд заключает, что единая прилежащая зона Колумбии установлена в нарушение норм международного обычного права и «суверенных прав и юрисдикции» Никарагуа в его исключительной экономической зоне. Судья Ивасава считает, что из-за установления Колумбией единой прилежащей зоны также нарушается свобода судоходства Никарагуа в его исключительной экономической зоне.

Что касается надлежащих средств правовой защиты, то Суд постановляет, что Республика Колумбия должна, избрав любые средства по своему усмотрению, привести в соответствие с нормами международного обычного права положения Указа президента № 1946 «в той части, в которой они касаются морских районов, объявленных Судом в его решении 2012 года относящимися к Никарагуа». Судья Ивасава отмечает, что в ответ на просьбу Никарагуа, содержащуюся в его окончательных представлениях, Суд определяет такую форму средства правовой защиты.

Несогласное мнение судьи Нольте

В своем несогласном мнении судья Нольте объясняет причины, по которым он не разделяет решение Суда признать и осуществить свою юрисдикцию в отношении фактов и событий, которые имели место после 27 ноября 2013 года — даты, когда Боготский пакт утратил силу для Колумбии.

Судья Нольте считает, что аргументация, лежащая в основе этого решения, неубедительна. По мнению судьи Нольте, все дела, приведенные в подтверждение осуществления Судом юрисдикции *ratione temporis*, кроме одного, касаются приемлемости требований, представленных с опозданием, а не юрисдикции Суда *ratione temporis*. По его мнению, единственное оставшееся решение — решение по делу *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)* (Некоторые вопросы взаимной помощи по уголовным делам (Джибути против Франции)) — содержит *obiter dictum*, которое лишь формально касается юрисдикции *ratione temporis*.

Судья Нольте считает, что вопрос заключается в том, намеревались ли стороны Боготского пакта ограничить во времени действие юрисдикции Суда. По мнению судьи Нольте, ответ на этот вопрос должен быть дан на основе толкования статей XXXI и LVI Боготского пакта в соответствии с обычными правилами толкования договоров, а не на основе применения некоторых аспектов практики Суда, касающихся других правовых вопросов. По его мнению, нельзя считать, что стороны намеревались распространить юрисдикцию Суда на отдельные друг от друга фактические обстоятельства, которые не могли бы быть представлены независимо друг от друга после утраты оснований для установления юрисдикции Суда. Суд признает, что в отношении действий или серий действий, которые в совокупности представляют собой «составное деяние» по смыслу статьи 15 Статей Комиссии международного права об ответственности государств, подход может быть иным, но считает, что предполагаемые последующие инциденты не влияют на правовое значение инцидентов, которые, как утверждает Никарагуа, имели место до 27 ноября 2013 года. Эти соображения, по мнению судьи Нольте, указывают на то, что утрата юрисдикции, закрепленной в статье XXXI, препятствует рассмотрению Судом фактов и событий,

относящихся к периоду после истечения срока действия договора для одной из сторон.

Наконец, судья Нольте отмечает, что, делая лишь очень ограниченный вывод из материалов, представленных сторонами в отношении предполагаемого инцидента с судном «Мисс София», Суд фактически признает, что Никарагуа не доказало ни один из инцидентов, которые предположительно имели место до 27 ноября 2013 года.

Несогласное мнение судьи *ad hoc* Макрея

Судья *ad hoc* Макрей не согласен со всеми постановлениями Суда по данному делу, хотя в качестве предварительного замечания он отмечает, что разделяет вывод Суда о том, что протяженность единой прилегающей зоны Колумбии не должна превышать 24 морские мили.

Судья *ad hoc* Макрей считает, что вывод Суда о том, что он обладает юрисдикцией *ratione temporis* в отношении событий, которые предположительно произошли после утраты оснований для установления юрисдикции, имеет решающее значение, поскольку ответственность Колумбии в отношении предполагаемых инцидентов в ИЭЗ Никарагуа почти исключительно основана на событиях, произошедших после утраты оснований для установления юрисдикции Суда. Судья *ad hoc* Макрей утверждает, что Суд не объясняет, почему правило о допустимости рассмотрения событий, произошедших после даты подачи заявления, должно применяться к событиям, произошедшим после утраты оснований для установления юрисдикции. По мнению судьи *ad hoc* Макрея, соображения эффективности, которыми обосновывается распространение юрисдикции на события, произошедшие после даты подачи заявления, отсутствуют в случае, когда основания для установления юрисдикции утрачены. Судья *ad hoc* Макрей объясняет, что, хотя Суд может принять во внимание события, произошедшие после утраты оснований для установления юрисдикции, он не может устанавливать ответственность на основе этих событий. По мнению судьи *ad hoc* Макрея, ни в судебной практике Суда, ни в его решении 2016 года ничего не говорится о вопросе, по которому сейчас принимает решение Суд, и принцип, согласно которому юрисдикция должна основываться на согласии, перевешивает политические соображения, лежащие в основе позиции, занятой Судом.

Затем судья *ad hoc* Макрей переходит к оспариваемым действиям Колумбии в ИЭЗ Никарагуа, с самого начала отмечая, что ответственность Колумбии не могла бы быть установлена без учета событий, на которые не распространяется юрисдикция Суда *ratione temporis*. Что касается инцидентов, произошедших между судами береговой охраны Никарагуа и военно-морскими судами Колумбии, а также судном, занимающимся морскими научными исследованиями, то судья *ad hoc* Макрей указывает, что Суду следовало сосредоточиться на действиях, которые предположительно имели место, а не просто на вопросе присутствия судов в ИЭЗ Никарагуа. Затем судья *ad hoc* Макрей переходит к инцидентам, произошедшим между военно-морскими судами Колумбии и рыболовными судами, плавающими под флагом Никарагуа или имеющими лицензию Никарагуа, отмечая, что эти инциденты не

сопровождались принудительными действиями со стороны Колумбии. В тех немногих случаях, когда утверждается о совершении конкретных действий, предполагаемые факты носят спорный характер. По мнению судьи *ad hoc* Макрея, Суд пришел к выводу, что Колумбия принимала меры по установлению контроля, на основании заявлений Колумбии, тогда как вместо этого ему следовало изучить действия Колумбии. Судья *ad hoc* Макрей утверждает, что Суд должен был обратить особое внимание на то, что деятельность Колумбии в ИЭЗ Никарагуа заключалась лишь в наблюдении и информировании. Вместе с тем судья *ad hoc* Макрей считает, что, не проинформировав Никарагуа об этой деятельности, Колумбия осуществляла свои права в ИЭЗ Никарагуа без должного учета прав Никарагуа как прибрежного государства.

Судья *ad hoc* Макрей также считает, что доказательства, на основании которых Суд сделал вывод о том, что Колумбия выдавала разрешения на рыболовство в ИЭЗ Никарагуа, по меньшей мере вызывают вопросы. По мнению судьи *ad hoc* Макрея, инциденты, на которые ссылается Суд, не являются доказательством выдачи Колумбией лицензий, и даже если бы соответствующие факты были установлены, они бы свидетельствовали не более чем о том, что при осуществлении своих прав Колумбия не учитывала должным образом права Никарагуа как прибрежного государства.

Переходя к вопросу о единой прилегающей зоне Колумбии, судья *ad hoc* Макрей отмечает свое согласие с выводом Суда о том, что единая прилегающая зона Колумбии может частично совпадать с ИЭЗ Никарагуа и что она не может иметь протяженность более 24 морских миль. Вместе с тем судья *ad hoc* Макрей считает, что полномочия, о которых заявляет Колумбия, соответствуют нормам международного права. Судья *ad hoc* Макрей утверждает, что толкование нормы, отраженной в статье 33 Конвенции по морскому праву, должно претерпевать изменения, чтобы это толкование отражало актуальные проблемы, касающиеся безопасности и здоровья, включая вопросы защиты окружающей среды. Судья *ad hoc* Макрей далее подчеркивает, что в том, что касается единой прилегающей зоны, Колумбия заявляет о полномочии принимать меры по предотвращению действий и наказанию за их совершение на своей территории или в своем территориальном море, но не в самой единой прилегающей зоне. Следовательно, нет оснований для вывода Суда о том, что Колумбия пыталась осуществлять полномочия по сохранению, защите и охране морской среды в ИЭЗ Никарагуа.

Затем судья *ad hoc* Макрей рассматривает встречные требования Колумбии. Что касается встречного требования о традиционных правах на рыболовство, то судья *ad hoc* Макрей отмечает, что Колумбия определяет общину «раисалес» как группу, отличающуюся от других жителей архипелага Сан-Андрес, и описывает ее таким образом, что можно предположить, что члены общины подобны коренным народам. По словам судьи *ad hoc* Макрея, президент Никарагуа регулярно использует формулировки, указывающие на то, что право на рыбную ловлю, о котором заявляет община «раисалес», сродни праву коренных народов — праву, которое неизбежно вытекает из статуса общины «раисалес» как особой группы, часто относимой к исконным или коренным народам. Судья *ad hoc* Макрей подчеркивает, что Суду не удалось понять истинную природу требования, касающегося общины «раисалес».

Таким образом, соглашение, которое Суд предложил заключить сторонам, должно быть направлено на обеспечение реализации существующих прав, а не установление новых прав на рыболовство для общины «раисалес».

Наконец, судья *ad hoc* Макрей утверждает, что подход Суда к встречному требованию, касающемуся использования Никарагуа метода прямых исходных линий, представляет собой применение закона, касающегося проведения прямых исходных линий, без учета контекста и соответствующей практики государств. Судья *ad hoc* Макрей объясняет, что положения статьи 7 Конвенции по морскому праву отражают выводы Суда по делу *Fisheries case, 1951* (Дело о рыболовстве 1951 года), которые, однако, вряд ли применимы к берегам, отличным от берегов Норвегии. По мнению судьи *ad hoc* Макрея, Суд не смог прояснить нечеткие формулировки статьи 7. Судья *ad hoc* Макрей утверждает, что вместо этого Суд должен был рассмотреть, как государства толковали и применяли эти формулировки на практике. По мнению судьи *ad hoc* Макрея, проведение Никарагуа прямых исходных линий не выходит за рамки практики государств, которая, как отмечает судья *ad hoc* Макрей, редко оспаривается другими государствами. В заключение судья *ad hoc* Макрей отмечает, что Суд не должен был в данном случае представлять окончательное толкование статьи 7 Конвенции по морскому праву и что, поступая таким образом, Суд провоцирует еще большую неопределенность в этой области.
